

Саша Деленив

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕТ ПОЛНОМОЧИЙ,
ИЛИ НИКОГДА

18+

НЕ СВЯЗЫВАЙСЯ С АЛЕГРИЕЙ

Саша Деленив

**Нет полномочий, или Никогда
не связывайся с Алегрией**

«Автор»

2026

Деленив С.

Нет полномочий, или Никогда не связывайся с Алегрией /
С. Деленив — «Автор», 2026

Когда 78-летнюю Аллу Николаевну выписали из больницы, она вернулась не домой, а в захваченную сквоттерами квартиру. Мэр приморского городка Испании развёл руками: «Нет полномочий». Через несколько дней она заняла пустующие апартаменты самого мэра. С видом на море и джакузи, вывесив на балконе плакат «Здесь живёт справедливость». Так началась медийная война, которая вышла далеко за пределы тихого каталонского городка, ибо никогда не связывайся с русской женщиной, особенно если она давно на пенсии. Трагикомедия о возрасте, дружбе, испанском абсурде и русской смекалке. О том, что дом — это не только стены. О том, что «нет полномочий» — не приговор, а вызов. И о том, что иногда для восстановления справедливости нужны всего лишь швабра, папка с документами и умение сказать «I'll be back» так, чтобы в это поверили.

© Деленив С., 2026

© Автор, 2026

Саша Деленив

Нет полномочий, или Никогда не связывайся с Алегрией

Глава 1. Ал би бэк.

Коста-Брава, Лорет-де-Мар. Улица Сан-Пере, 14. Конец сентября.

Алла Николаевна возвращалась домой в час сиесты, когда солнце висело над морем раскалённой сковородой, а улицы вымирали, будто город эвакуировали, забыв предупредить только её одну. Таксист высадил её у калитки, неодобрительно покосившись на полиэтиленовый пакет с выпиской и початой бутылкой минералки. Она сама чувствовала себя пакетом — таким же мятым, полупустым и шуршащим при каждом движении. Девять дней в больнице с гипертоническим кризом, девять ночей под писк каталонских мониторов, девять утренних обходов, где она, бывший директор лучшего пансионата Сибири, мысленно ставила врачам тройку за организацию процесса. Её родной пансионат «Отрада» был образцовым учреждением, и она точно знала, как должно пахнуть в палате, с какой интонацией говорить с лежащими и куда прятать утку, чтобы не смущать родственников.

Калитка оказалась приоткрыта. Алла Николаевна нахмурилась. Память услужливо подсунула цифру: девять в нумерологии — завершение цикла, и она загадала ещё в больнице, что день выписки, девятый день, станет началом чего-то нового. Но сейчас что-то подсказывало ей, что с завершением цикла вышла накладка.

Она толкнула калитку и вошла во внутренний дворик. Герань, которую она холила все девять месяцев, была варварски отодвинута к стене, а на её месте стояли три пары кроссовок — грязных, разношенных, явно мужских. На верёвке, где обычно сушилось её бельё, болталась чужая футболка с надписью «Fuck the System».

— Хорошее начало, — пробормотала Алла Николаевна, ставя пакет на плитку. — Очень обнадеживающее.

Она подошла к входной двери. Замок был аккуратно, почти хирургически высверлен. В нос ударил запах чужого пота, марихуаны и чего-то жареного — кажется, её любимого оливкового масла, купленного на рынке в Бланесе. В гостиной, на её диване, вальяжно развалился молодой человек с дредами и в одних трусах. Он смотрел её телевизор, подключив к нему какую-то приставку, и лениво повернул голову, когда тень Аллы Николаевны упала на экран.

— Бабуля, ты кто? — спросил он по-испански, но с акцентом, который она не смогла опознать. — Здесь теперь живут люди. Иди, иди.

Алла Николаевна набрала в грудь воздух. Воздух пах предательством. Она представила, как Вова, её Вова, её Cabeza, входит сейчас в эту комнату и молча берёт парня за шкуру. Но Вовы не было уже пять лет — аневризма сработала именно так, как он хотел: быстро, без мучений, между двумя ударами сердца. «Я не хочу лежать овощем, Алегрия, — говорил он ей когда-то, целуя в макушку. — Я хочу уйти на скорости». И ушёл — прямо посреди смены на скорой, с мигалкой и сиреной, будто домчал кого-то до больницы, а сам вышел на остановке.

— Я здесь живу, — сказала она по-испански медленно и чётко, как учила когда-то с мужем по аудиокассетам «Español para todos». — Это моя квартира. Вот ключи. — Она вынула связку и показала, хотя ключи теперь ничего не открывали.

Парень лениво перевёл взгляд на ключи, потом на неё.

— Ок, — сказал он, — это не моя проблема. Вызывай полицию. Хотя... — он усмехнулся, — у нас есть права. Мы здесь живём, это наш дом. Nuestro hogar.

Он произнёс «hogar» с таким наглым испанским выдохом, что Алла Николаевна впервые за долгое время почувствовала не слабость, а ярость. Она прошла на кухню. Холодильник был распахнут. Её запасы — хамон, сыр, банка солёных огурцов, присланных сестрой из Челябинска, — были безжалостно съедены. На столе лежала её колода Таро, которую она забыла взять в больницу. Кто-то перебирал карты грязными пальцами. Верховная Жрица была надорвана и явно недовольна происходящим.

— Хорошо, — сказала Алла Николаевна вслух, обращаясь не столько к захватчику, сколько к Вселенной. — Девятка — это завершение. Завершилось моё терпение.

Она вышла из дома, не забыв прихватить с верёвки свою ночную рубашку — единственное, что захватчики не тронули. Калитка захлопнулась. Солнце палило затылок. Где-то далеко в море гудел катер.

Алла Николаевна постояла, держа пакет с выпиской и скомканную рубашку. В голове шумело. Она знала, что полиция в таких случаях бесполезна — за девять месяцев наслушалась историй от соседей. Но оставался мэр. В конце концов, это его город, его избиратели, его совесть. Мэрия находилась в десяти минутах ходьбы, в старом здании с флагом Каталонии и Евросоюза. Алла решительно зашагала туда, не выпуская пакета.

В мэрии пахло кондиционером и казённым кофе. Секретарша, увидев перед собой растрёпанную пожилую женщину, с полиэтиленовым пакетом и ночной рубашкой, инстинктивно потянулась к кнопке вызова охраны, но Алла Николаевна заговорила — на испанском, медленном, но абсолютно внятном:

— Мне нужен мэр. Сеньор Жоан Виньяс. Срочно.

— У вас запись? — секретарша поправила очки.

— У меня оккупированный дом и только что выписанный гипертонический криз. Запись у меня была на послезавтра к кардиологу. Мэр примет меня сейчас.

Что-то в голосе этой женщины заставило секретаршу снять трубку внутреннего телефона. Через минуту Алла Николаевна уже сидела в кабинете мэра — светлом, с видом на море и фотографией хозяина в рамке: рукопожатие с кем-то из мадридского начальства.

Жоан Виньяс был высок, холён и носил льняной костюм, который сидел на нём так, будто он в нём родился. Он смотрел на посетительницу с вежливым, чуть брезгливым любопытством — так смотрят на муху, залетевшую в бокал с вином.

— Слушаю вас, сеньора...

— Попова. Алла Николаевна. Мой дом на Сан-Пере, четырнадцать. Сегодня я вернулась из больницы и обнаружила, что он занят посторонними. Там живут какие-то люди. Они высверлили замок. Я прошу вас вмешаться.

Мэр вздохнул — не зло, скорее устало. Он уже слышал это сотни раз.

— Сеньора Попова, я понимаю ваше возмущение. Но, видите ли, по испанским законам быстрое выселение возможно только в течение первых сорок восемь часов после незаконного проникновения. Вы были в больнице девять дней. Срок вышел. Теперь это гражданско-правовой спор. Муниципалитет не имеет полномочий вмешиваться. Вам нужен адвокат и суд.

— То есть, — Алла говорила спокойно, хотя внутри у неё закипал тот самый механизм, — вы, мэр города, не можете помочь пожилой женщине, у которой отняли дом?

— Я не могу нарушать закон, — он развёл руками. — Даже из сочувствия. Нет полномочий.

Алла Николаевна поднялась. Пакет с выпиской шуршал в руке. Она посмотрела на мэра долгим взглядом — тем самым, которым когда-то смотрела на областных проверяющих, пытавшихся урезать бюджет «Отрады».

— Значит, нет полномочий. Хорошо. — Она взялась за ручку двери и на мгновение обернулась. — Сеньор Виньяс, мой внук любит фильм «Терминатор».

Мэр моргнул. Данная информация не вписывалась в разговор.

— Простите?

— Мои ровесники умели передать суть — Алла Николаевна распахнула дверь и, не оборачиваясь, бросила через плечо: — Ал би бэк.

Дверь закрылась. Мэр остался сидеть с открытым ртом. Секунду спустя он тряхнул головой и пробормотал:

— Что это, чёрт возьми, было?

Но ответа не получил.

Алла вернулась на свою улицу, села на скамейку напротив дома и закрыла глаза.

— Cabeza, — прошептала она в пустоту. — Что мне делать? Сыну звонить нельзя. У Ромки минус двадцать миллионов, Ольга плачет в подушку, дети на даче. Они влезли в постройку этого торгового центра, как в петлю, застройщик их обманул. Если я сейчас скажу, что меня выселили, Ромка продаст последние носки и примчится сюда за инфарктом. Этого не будет.

Она прислушалась к себе. В груди что-то сжималось и разжималось, но это было не сердце. Это был механизм, который она выработала за сорок лет работы в «Отраде» — способность в критической ситуации становиться спокойной и почти циничной. Когда у тебя на руках сорок пять постояльцев как минимум с деменцией, а государственная проверка на пороге, ты учишься не паниковать. Ты составляешь прогноз.

Она открыла глаза и мысленно разложила карты дня. Сегодня — вторник, день Марса. Марс — планета действия, войны и хирургии. Луна в Скорпионе. Хорошее время, чтобы ужалить. Но как? Куда? Она вспомнила, что в сумке у неё лежит телефон. Надо позвонить Кармен. Кармен — испанка, которая жила в соседнем доме и с которой они иногда пили кофе на балконе. Кармен была вдовой рыбака и обладала нестигаемым характером. А ещё у неё, кажется, был ключ от какой-то тайной жизни — какие-то знакомые, какие-то истории про «окупас» и про то, как «один раз мы с мужем выселили незваных гостей просто с помощью швабры и гимна Каталонии».

Алла Николаевна набрала номер. После трёх гудков трубку сняли.

— Sí?

— Кармен, это Алла. У меня проблема. Мой дом оккупировали. Мне нужна помощь.

В трубке помолчали, потом раздался сухой смешок.

— А я думала, ты никогда не попросишь. Сиди на месте, сейчас приду. И не вздумай больше заходить внутрь — это не поможет.

Кармен явилась через пятнадцать минут — срок, за который нормальный человек не успел бы даже расчесаться, не то что вооружиться. В одной руке она держала швабру с мокрой тряпкой. В другой — бутылку тёмного стекла. Этикетка отсутствовала. Содержимое пахло виноградом и мстостью.

— Сначала выпьем, потом будем думать, — сказала Кармен, грузно опускаясь на скамейку рядом с Аллой. — Ты была в больнице, ты бледная, как мерлан. Херес — лекарство. Домашний, брат делал.

Алла машинально взяла протянутый стаканчик — пластиковый, из-под кофе, явно найденный в недрах карменовской сумки. Выпили. Херес провалился внутрь горячей волной и погасил дрожь в пальцах. Алла посмотрела на свою ночную рубашку, которую по-прежнему прижимала к груди, на дверь с высверленным замком, на швабру в руках Кармен и внезапно рассмеялась — нервно, с подвизгиванием.

— Меня выгнали из собственного дома, — сказала она, отсмеявшись. — Моего сына обманули на двадцать миллионов. Моя невестка сдает металл. Мои внуки живут на даче. Я не могу позвонить сыну и сказать, что стала бомжом. Это разобьёт ему сердце. Мы с Вовой мечтали об этом городе, учили язык, называли друг друга Cabeza и Alegría, а теперь, когда

Вова ушёл, я переехала одна. Я думала, доживу нашу мечту за нас двоих, но в моём доме сидит хиппи в трусах и говорит мне: «Иди, бабуля, это не твоя проблема». Я не знаю, что делать. Я всю жизнь проработала в социальном пансионате, я умела успокаивать стариков. А кто успокоит меня? Я стара, а всем пофиг.

Кармен выслушала эту тираду с выражением лица, которое на русский переводилось примерно как «Бог дал проблему — Бог даст и лопату, чтобы её закопать». Она отставила стаканчик, упёрла швабру в землю, как скипетр, и сказала:

— Во-первых, Вова тебя слышит, не говори «ушёл». Говори «не может посоветовать». Я своего Пако не называю мёртвым уже девятнадцать лет, и это работает. Во-вторых, сын твой не узнает. Мы устроим тишину. В-третьих, ты умеешь воевать. Просто ты забыла. Я видела, как ты доказала таксисту цену километра, когда он пытался содрать с тебя лишние десять евро. Таксист до сих пор крестится.

Алла невольно улыбнулась. Таксист действительно попался жадный, а она действительно вспомнила всё: и как когда-то отбивала бюджет «Отрады» у областного начальства, и как строила профсоюз на коленке в девяностые, и как Вова гордился ею — «моя Алегрия любого чиновника в бараний рог свернёт».

— Спасибо, *querida*, что ты предлагаешь? — спросила Алла.

— Я уже знаю, что полиция и мэр бесполезны, — добавила она. — Я только что от мэра. Он сказал: «Нет полномочий». Я сказала: «I'll be back».

Кармен одобрительно хмыкнула и наклонилась, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

— Мэр — козёл. Но у него есть квартира, в которой никто не живёт, знаешь, что это значит, *amiga*?

— У мэра? У того самого, который отказывается выселять окупасов?

— Именно. Его зовут Жоан Виньяс, но для тебя он — просто Жоан-козёл. У него апартаменты в новом доме на набережной, с видом на море, с террасой и джакузи. Они пустуют. И оформлены не как жильё, а как «студия для профессиональной деятельности». Это значит...

— ...что это нежилое помещение, — закончила Алла. В голове что-то щёлкнуло, и щёлкнуло оно голосом дона Хосе, местного архивариуса, с которым они иногда сталкивались в библиотеке и не раз обсуждали тему, как же чиновникам всё равно, когда у людей отжимают жильё, а если бы с ними так поступили?!

— Именно! — Кармен хлопнула ладонью по скамейке. — Если ты займёшь нежилое помещение, это не «окупасьон» в уголовном смысле. Это гражданский спор. Полиция не сможет тебя просто выкинуть на улицу. Им придётся подавать в суд, а суд — это месяцы. Месяцы, за которые пресса, телевидение и левые активисты съедят мэра живьём. Представь заголовки: «Мэр выселяет русскую бабушку на улицу, пока её собственный дом оккупирован». Это же самоубийство!

Алла уставилась на Кармен. В голове одновременно крутились: нумерология, Таро, Уголовный кодекс Испании. И где-то на периферии сознания — голос Вовы: «Алегрия, если система против тебя — поменяй систему. Ты же инженер в душе. Разбери и собери заново».

— Кармен, — сказала она медленно, — ты предлагаешь мне захватить квартиру мэра?

— Я предлагаю тебе восстановить справедливость. Кроме того, у тебя есть ключ. Моя кухня Мерсе, как работник клининга этого комплекса, знает, что все оставляют запасной ключ под ковриком.

— Это безумие.

— Это Испания, — пожала плечами Кармен. — У нас тут безумие — национальный спорт.

Алла Николаевна долго смотрела на бутылку хереса, на швабру, на загорелое лицо Кармен, которая улыбалась так, будто они обсуждали рецепт паэльи. Потом она подумала о Ромке.

О том, как он звонил месяц назад и бодрым, почти весёлым голосом говорил: «Мам, всё нормально, мы выкрутимся, главное — ты там держись, у тебя хоть дом есть, наш единственный несгораемый тыл». О том, как Ольга, невестка, взяла трубку потом, шёпотом: «Рома сильно переживает, поседел, но вам не скажет».

— Мне нужны будут люди, — сказала Алла, и голос её перестал дрожать. — Карты, прогноз, юридическая база и человек, который умеет открывать двери без ключа. На случай, если коврика не будет.

Кармен просияла.

— Дон Хосе. Архивариус. Он знает законы лучше, чем прокурор, и ненавидит мэра личной, выстраданной ненавистью. Мэр уволил его за два месяца до пенсии, чтобы посадить на его место племянника. У дона Хосе есть папка с компроматом на мэра и несварение желудка от несправедливости. Он будет счастлив помочь.

— И Степаныч, — добавила Алла, сама удивляясь тому, как легко это имя слетело с языка. — Русский. Смотритель яхт-клуба. Бывший прапорщик. Может организовать что угодно. Если нам понадобится, например, фальшивая табличка «Консульство Российской Федерация», чтобы отпугивать полицию...

Кармен расхохоталась — громко, раскатисто, по-средиземноморски, — и швабра в её руках дёрнулась, разбрызгивая капли.

— Алла, — сказала она, отсмеявшись, — а ты мне нравишься. Из тебя выйдет отличная окупас, *mi querida*!

— Я не окупас, — поправила Алла Николаевна, поднимаясь со скамейки и впервые за девять дней чувствуя, как по телу разливается не слабость, а что-то другое, забытое. Адреналин. Азарт. Сила. — Я русская, кто к нам *cespada* придет ...

— Это лучший тип окупасов, — подвела итог Кармен. — Пошли ко мне. Позвоним дону Хосе и твоему Степанычу. Завтра утром у нас операция.

— Как мы её назовём?

— «Операция "Швабра"», — не задумываясь, ответила Кармен. — В честь моего мужа. Он всегда говорил: если можешь решить проблему шваброй — не доставай гарпун.

Они ушли в закат: две немолодые женщины, одна со шваброй на плече, другая с ночной рубашкой в полиэтиленовом пакете. Где-то позади остался дом с высверленным замком и парнем в трусах. Впереди — квартира мэра, пустая и ждущая. И целая ночь, чтобы составить план.

Глава 2. Дон Хосе и папка гнева.

Квартира дона Хосе находилась на четвёртом этаже старого дома без лифта, и пока Алла Николаевна поднималась по вытертым каменным ступеням, она успела трижды проклясть свою возрастную слабость и дважды — испанскую любовь к аутентичной архитектуре. Кармен шагала впереди, швабра мерно постукивала по ступеням, как посох паломницы, и Алла подумала, что если бы у неё была такая швабра, она бы, возможно, меньше уставала.

Дверь открыл сухой, как вяленый хамон, старик в жилетке поверх пижамы. Очки сидели на кончике носа, в одной руке он держал книгу (кажется, Гражданский кодекс Каталонии), в другой — чашку с чем-то, что пахло ромашкой и одиночеством.

— Кармен, — сказал он вместо приветствия, — ты привела подкрепление. Хорошо. Проходите. Только не наступите на Конституцию.

Алла опустила глаза. На полу в коридоре действительно лежала стопка бумаг, придавленная для верности гипсовым бюстиком Дон Кихота. Она аккуратно перешагнула.

Квартира напоминала архив, в который ударила молния. Книжные полки гнулись под тяжестью папок. Письменный стол был завален газетными вырезками, ксерокопиями муниципальных постановлений и пожелтевшими бланками с гербом Жироны. На стене висела пробко-

вая доска, и к ней кнопками был приколот портрет мэра Жоана Виньяса — с подрисованными усами, рогами и надписью «INÚTIL» («бесполезный»). Ниже красовалась схема: стрелки, даты, номера статей. Алла сразу почувствовала себя как в кабинете завхоза «Отрады» после годовой проверки — хаос, подчинённый какой-то высшей, только автору ведомой логике.

— Присаживайтесь, — дон Хосе указал на два расшатанных стула. — Чаю? Кофе? У меня есть травяной сбор, который понижает давление и повышает ненависть к муниципальным властям.

— Давайте, — кивнула Алла. — Давление мне сейчас нужно как раз понизить. Ненависть, кажется, уже в норме.

Через пять минут они сидели вокруг журнального столика, заставленного чашками с ромашкой, и дон Хосе держал речь. Алла сразу узнала этот тип человека — она сама была такой же. Человек, который знает, как устроена система, и не может ей простить этого знания. Бывший архивариус, уволенный за два месяца до выслуги лет по надуманному предлогу. Мэр Виньяс, тогда ещё только избранный, решил посадить на тёплое место племянника, а дону Хосе вежливо указали на дверь. Десять лет он собирал компромат. Десять лет ждал момента, когда система допустит ошибку.

— Она только что допустила, — сказал дон Хосе, пододвигая к Алле увесистую папку с надписью «VINYAS — EXPEDIENTE COMPLETO». — Ты.

— Я — ошибка системы? — уточнила Алла.

— Ты — её слепое пятно. Система рассчитана на то, что человек сломается. Уедет. Умрёт. Забудет. Ты не собираешься ломаться. Ты пришла ко мне. И теперь, — он понизил голос, и очки его сверкнули, как стёкла микроскопа, — мы покажем им, что бывает, когда бабушка знает закон лучше, чем мэр.

Он раскрыл папку. Сверху лежал план квартиры Жоана Виньяса — тех самых апартаментов на набережной. План был добыт через кузину Кармен, Мерсе, которая работала в клининговой компании и имела доступ к объектам недвижимости. Дальше шли: копия договора купли-продажи, выписка из кадастра, распечатка муниципального реестра недвижимости. И ключевой документ — лицензия на использование помещения в качестве «студии профессиональной деятельности», выданная на имя 83-летней тёти мэра, которая, по данным муниципальной поликлиники, последние полтора года не вставала с постели и вряд ли занималась чем-то профессиональным, кроме просмотра телесериалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.